

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Аль Асад А. Сирия как арена конкуренции между региональными акторами // Конфликтология / nota bene. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.2.74825 EDN: XSXCNJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74825

Сирия как арена конкуренции между региональными акторами

Аль Асад Али

ORCID: 0009-0001-0220-8951

аспирант, Кафедра востоковедения и африканистики; Российский Университет Дружбы Народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

✉ ali.99.al.asad@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.2.74825

EDN:

XSXCNJ

Дата направления статьи в редакцию:

07-06-2025

Дата публикации:

14-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является динамика соперничества между региональными и внешними акторами за контроль над сирийским направлением в период с 2011 по 2025 гг. Объектом исследования является сирийский конфликт как арена геополитической конкуренции, где пересекаются интересы Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Израиля, России и Соединённых Штатов. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как эволюция стратегий внешнего влияния, механизмы военно-политического воздействия региональных держав, трансформация союзнических отношений и изменение баланса сил после смены власти в Дамаске в декабре 2024 года. Особое внимание уделяется анализу концепции «передовой обороны» Ирана, турецкой стратегии создания буферных зон безопасности, политики монархий Персидского залива по поддержке оппозиционных структур, израильской

тактики сдерживания иранского присутствия, а также адаптации глобальных держав к новым региональным реалиям. Методология исследования основана на сравнительном анализе внешнеполитических стратегий региональных акторов, историческом анализе эволюции их позиций, изучении официальных документов, дипломатических соглашений и международных договорённостей. Основными выводами проведенного исследования являются следующие положения: сирийский конфликт привел к переформатированию региональной архитектуры безопасности на Ближнем Востоке, где сформировалась система взаимоотношений с преобладанием тактических союзов над стратегическими партнерствами; смена власти в Дамаске в декабре 2024 года кардинально изменила расстановку сил, вынудив Иран и Россию адаптироваться к потере ключевого союзника, в то время как Турция и США продемонстрировали стратегическую гибкость в выстраивании отношений с новым руководством. Особым вкладом автора в исследование темы является анализ конкурентных стратегий всех ключевых региональных акторов в их взаимосвязи и выявление тенденции к регионализации международных отношений, когда местные игроки все меньше полагаются на глобальных патронов. Новизна исследования заключается в изучении механизмов адаптации внешних сил к радикальным политическим изменениям и обосновании вывода о том, что долгосрочное влияние в современном многополярном мире обеспечивается способностью к дипломатическому маневрированию и выстраиванию устойчивых союзов, а не только военной мощью.

Ключевые слова:

Сирийский конфликт, Региональные акторы, Геополитическая конкуренция, Передовая оборона, Ближний Восток, Смена режима, Внешнее влияние, Многополярность, Стратегические альянсы, Региональная безопасность

Введение

Сирийский конфликт стал одной из самых продолжительных и кровопролитных войн XXI в., превратив территорию страны в точку пересечения интересов сразу нескольких региональных и внешних акторов. С самого начала кризиса противостояние не ограничивалось внутренними силами: ключевыми участниками стали государства, конкурирующие за политическое, военное и экономическое присутствие на Ближнем Востоке. Иран, Турция, Саудовская Аравия, Израиль, Россия и Соединённые Штаты использовали сирийское направление как инструмент расширения влияния, опираясь на союзников внутри страны и вне её. Обострение геополитических противоречий особенно проявилось после прямого военного вмешательства, дипломатических блокад, экономического давления и смены режимов.

Особенность сирийского конфликта заключается в том, что именно региональные игроки — в первую очередь Иран и Турция — превратили борьбу за контроль над сирийским пространством в постоянную линию соперничества, где дипломатические альянсы и тактические союзы менялись в зависимости от соотношения сил. С 2011 г. сирийское государство находилось под угрозой разрушения, однако при поддержке союзников, в первую очередь России и Ирана, Дамаску удалось сохранить свою государственность и вернуть контроль над основной частью территории. Военная операция России сыграла решающую роль в сдерживании угрозы распада страны, а дипломатические усилия Москвы обеспечили переговорную платформу, позволившую избежать международной изоляции.

Несмотря на это, конфликт продолжал перерастать в зону острой конкуренции между региональными державами. После 2023 г. произошли новые стратегические сдвиги: последствия войны в Газе, ослабление иранского влияния, резкое усиление турецкой активности, попытки стран Персидского залива вернуться в сирийскую повестку. Изменения в Дамаске в конце 2024 г. стали поворотным моментом, после которого расстановка сил изменилась, а формат внешнего влияния оказался под пересмотром. Вопрос о том, какая из держав закрепится в послевоенном порядке и сможет контролировать политическое и экономическое развитие Сирии, приобрёл новую остроту.

Цель настоящей статьи — выявить логику и динамику соперничества между региональными и внешними акторами за контроль над сирийским направлением, определить характер их интересов и тактику воздействия. Задачи включают анализ исторических условий формирования влияния, сравнение моделей присутствия Ирана, Турции, арабских монархий и Израиля, оценку влияния США и России на баланс сил, а также рассмотрение новых конфигураций региональной конкуренции после смены власти в Дамаске. Понимание механизмов этого противостояния имеет ключевое значение для прогнозирования дальнейшего развития ситуации на Ближнем Востоке и выработки эффективных подходов к региональной стабилизации.

Историческая канва сирийского кризиса

До 2011 г. Сирийская Арабская Республика сохраняла политическую модель, опирающуюся на президентскую власть, систему спецслужб и правящую партию Баас. Географически страна занимала стратегическое положение между Восточным Средиземноморьем, Турцией, Ираком, Иорданией, Ливаном и оккупированными Израилем Голанскими высотами. Такое размещение делало её объектом постоянного внешнеполитического внимания, особенно с учётом длительного конфликта с Израилем и поддержки палестинских движений.

С начала 2000-х г. Сирия укрепила сотрудничество с Ираном, развивая военное и экономическое взаимодействие. Связь с Тегераном усиливалась на фоне изоляции Дамаска со стороны США и их союзников после вторжения в Ирак в 2003 г. [\[1, с. 78\]](#). Оси союзничества с Ираном соответствовал альянс с движением «Хезболла» в Ливане, через которое обеспечивался прокси-формат давления на Израиль. Отношения с Саудовской Аравией и Катаром оставались напряжёнными из-за расхождений по Ливану и идеологических противоречий между баасистской светской моделью и прозападным курсом монархий [\[2, с. 210\]](#).

Отношения с Турцией до 2000-х г. были конфликтными из-за поддержки сирийской стороной Рабочей партии Курдистана и спора о водных ресурсах. С 2004 г. началось сближение, приведшее к снятию визового режима и росту товарооборота [\[3, с. 5\]](#). Тем не менее, стратегическая недоверчивость сохранялась. Сирия не входила ни в один военно-политический блок, делая ставку на ограниченные союзы с Ираном и Россией. Москва оставалась ключевым партнёром, обеспечивавшим поставки вооружений и обучение офицерского корпуса [\[4, с. 225\]](#).

К 2011 г. Сирия представляла собой государство с независимой внешнеполитической линией, ориентированной на союз с Ираном, противодействие Израилю, сдерживание американского влияния и укрепление контактов с Россией как гарантией стратегической стабильности [\[5, с. 8\]](#). Протесты в Сирии начались в марте 2011 г. на фоне так называемой «арабской весны». Поводом послужили задержания подростков в городе

Дераа, нанёших антиправительственные лозунги на стены. Местные волнения быстро были подхвачены антисирийскими сетями за пределами страны, что усилило протестную активность и сопровождалось нападениями на сотрудников силовых структур.

Оппозиционные структуры стали получать поддержку со стороны внешних государств. Турция открыла границу для переброски сил и материалов. Саудовская Аравия, Катар и ряд западных стран начали финансировать и обучать боевые группы, действовавшие под прикрытием лозунгов о демократии. США и страны НАТО заняли одностороннюю позицию, обвинив Дамаск в эскалации и начав кампанию международной изоляции Сирии. На фоне разрушения институтов и роста террористической активности сирийские власти были вынуждены обратиться за поддержкой к союзникам, включая Иран и Россию [\[6, с. 335\]](#).

К середине 2012 г. Сирия стала ареной опосредованного конфликта между региональными и глобальными акторами. Международное втягивание происходило через каналы разведывательных служб, поставки оружия, операции частных военных компаний и санкционные кампании. Внутренние причины протеста были быстро вытеснены геополитическими интересами тех сил, которые стремились сместить законное руководство страны и изменить расстановку сил на Ближнем Востоке [\[7, с. 45\]](#).

Иранский вектор и стратегия "передовой обороны"

Иранская стратегия в Сирии с 2011 г. опиралась на концепцию «передовой обороны», согласно которой стабильность внутри Ирана обеспечивается выносом линии противостояния за пределы его границ [\[8, с. 690\]](#). Исламская Республика рассматривала сохранение союзного режима в Дамаске как ключевой элемент региональной безопасности, сдерживания Израиля и обеспечения логистического коридора к Ливану, где размещается ливанская «Хезболла». Доктрина предполагала прямое присутствие военных советников из Корпуса стражей исламской революции, мобилизацию прокси-структур из числа шиитских боевиков и создание многослойной системы влияния [\[9, с. 250\]](#).

С начала конфликта Иран направил в Сирию подразделения КСИР, включая элитное подразделение «Аль-Кудс», а также способствовал переброске шиитских добровольцев из Ирака, Афганистана и Пакистана. Были сформированы боевые соединения, такие как «Фатемийюн» и «Зейнабийюн», действовавшие под иранским командованием. На сирийской территории была развёрнута сеть баз, командных пунктов и складов вооружения. Часть операций проводилась совместно с сирийскими войсками и при участии ливанской «Хезболлы», что усилило интеграцию иранского присутствия в военную инфраструктуру Сирии [\[10, с. 23\]](#).

Тегеран также инвестировал в восстановление религиозных объектов и социальных учреждений в контролируемых районах, используя эти проекты как прикрытия для усиления административного влияния. Иранские инструкторы занимались обучением подразделений «Национальных сил обороны», формировавшихся при поддержке Корпуса стражей. Создавался кадровый резерв, ориентированный на долгосрочное взаимодействие с Тегераном [\[11, с. 122\]](#).

Иран рассматривал Сирию как центральное звено в стратегии проиранского пояса безопасности, простирающегося от западных границ Афганистана до Средиземного моря. Концепция включала постоянное военное присутствие, контроль над участками

границы с Ливаном и Израилем, а также развёртывание средств ПВО и беспилотных систем в приграничных районах. Такое положение Ирана вызывало активное противодействие со стороны Израиля, Саудовской Аравии и Турции, что постепенно усиливало региональную конфронтацию [\[12, с. 32\]](#).

После смены власти в Дамаске в декабре 2024 г. позиции Ирана на сирийском направлении были подорваны. Новый политический центр не продемонстрировал готовности продолжать тесное сотрудничество с Тегераном. Представители нового правительства отказались от прямых контактов с КСИР, ограничили допуск иранских военных советников в ключевые районы и выдвинули требования о выводе иностранных сил, не обладающих официальным мандатом [\[13\]](#). На дипломатическом уровне руководство Ирана заняло выжидательную позицию. Попытки сохранить влияние через неформальные каналы и параллельные структуры натолкнулись на сопротивление. Часть ранее лояльных к Ирану группировок либо была распущена, либо перешла на сторону нового правительства, отказываясь от прежнего внешнего кураторства.

Иран начал переориентировать свою стратегию, делая акцент на сохранение остаточных контактов через сети лояльных проповедников, экономических посредников и отдельных командиров боевых отрядов. В официальных заявлениях появились призывы к уважению суверенитета Сирии и продолжению борьбы с сионизмом, но фактически Иран был вытеснен с ключевых направлений. Ось Дамаск-Багдад-Тегеран-Бейрут перестала функционировать в прежнем виде, что вынудило Иран пересматривать всю концепцию «передовой обороны» на западных рубежах [\[14\]](#).

Турецкие амбиции в сирийском направлении

Турецкая политика в Сирии с 2011 г. была выстроена на трёх основных приоритетах: нейтрализация курдского фактора, создание буферных зон безопасности вдоль своей южной границы и формирование лояльной оппозиционной инфраструктуры. Главной угрозой Анкара считала активизацию Демократического союза (PYD) и его военного крыла YPG, действующих на территории северной Сирии и тесно связанных с Рабочей партией Курдистана. Турецкое руководство рассматривало расширение курдской автономии как прямое продолжение сепаратистской активности на собственной территории [\[15, с. 510\]](#).

С 2016 г. Турция начала проведение военных операций на сирийской территории под предлогом борьбы с террористическими структурами. Операции «Щит Евфрата», «Оливковая ветвь» и «Источник мира» привели к установлению контроля над значительными участками сирийской земли на севере провинций Алеппо, Идлиб и Хасака. В этих районах были развёрнуты турецкие военные базы, размещены силы сирийской национальной армии — протурецкого вооружённого альянса, и начата масштабная перестройка административного устройства по образцу турецкой провинциальной модели. Преподавание в школах, валюта, правовая система и гуманитарная помощь подчинялись стандартам, действующим на территории Турецкой Республики [\[16, с. 28\]](#).

Анкара активно использовала поддержку сирийской оппозиции как инструмент для легитимизации своего вмешательства. На территории Турции размещались политические центры оппозиции, включая Временное правительство Сирии и Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил. Структуры координировались с турецким внешнеполитическим ведомством, получали финансирование и обеспечивали кадровую

базу для гражданской администрации в подконтрольных зонах [\[17, с. 545\]](#).

Параллельно с военными действиями Анкара активно использовала дипломатические площадки. В 2017 г. при содействии России и Ирана был запущен астанинский формат переговоров, в рамках которого Турция получила статус официального гаранта оппозиции. На базе договорённостей в Астане были созданы зоны деэскалации в провинциях Идлиб, Хомс, Восточная Гута и юг Сирии. Однако выполнение обязательств Турцией сопровождалось выборочной поддержкой боевиков, отказом от борьбы с радикальными группами и фактической милитаризацией Идлиба [\[18, с. 70\]](#).

Контакты с Москвой позволили Анкаре избежать прямой конфронтации с Дамаском, несмотря на односторонние вторжения. В сентябре 2018 г. в Сочи было заключено российско-турецкое соглашение о стабилизации в Идлибе [\[19\]](#). В октябре 2019 г. в результате переговоров в Сочи был достигнут новый меморандум, предусматривающий совместное патрулирование российскими и турецкими подразделениями в северных районах Сирии. Турция декларировала приверженность территориальной целостности Сирии, но на практике создала несколько анклавов, контролируемых напрямую или через сирийские прокси-структуры [\[20\]](#).

После политических событий декабря 2024 г. Турция первой из внешних акторов начала выстраивать связи с новым сирийским руководством. Делегация турецкого МИД прибыла в Алеппо уже через десять дней после формирования де-факто правительства, а контакты с лидерами новых сирийских структур осуществлялись через ранее выстроенные каналы, включая органы самоуправления в Идлибе и представителей Сирийской национальной армии (поддерживается Турцией) [\[21, с. 4\]](#). Анкара предложила техническую помощь в восстановлении муниципальных служб, энергетических сетей и гражданской инфраструктуры на территориях, ранее контролировавшихся сирийской оппозицией. Были расширены поставки топлива, продовольствия и медикаментов, увеличено финансирование школ и больниц. Одновременно турецкие подрядчики начали подготовку проектов по восстановлению дорог и канализации в пригородах Алеппо и Тель-Рифаата [\[22\]](#).

На дипломатическом уровне Турция продвигала идею признания нового де-факто правительства как легитимного партнёра по переговорам. Официальные заявления делались в контексте поддержки «воли сирийского народа», но при этом подчёркивалась необходимость борьбы с остатками террористических группировок, по мнению Турции, включая YPG. Через агентства развития было начато формирование «пояса координации», включающего пограничные административные единицы и связанные с ними деловые круги [\[23\]](#).

Контроль над логистикой, доступ к новым административным органам и заранее выстроенные каналы взаимодействия позволили Турции занять доминирующее положение среди региональных акторов, вовлечённых в сирийское урегулирование. Фактическое признание новых властей, оперативная интеграция и демонстрация готовности к долгосрочному сотрудничеству обеспечили Анкаре значительное преимущество перед соперниками, утратившими ранее наработанные позиции в Дамаске.

Монархии Залива в борьбе за сирийское влияние

С первых лет конфликта Саудовская Аравия, Катар и Объединённые Арабские Эмираты конкурировали за контроль над политическими и вооружёнными структурами сирийской

оппозиции. Эр-Рияд делал ставку на умеренные суннитские элементы, ориентированные на националистические лозунги и сотрудничество с Западом. Катар поддерживал группировки, близкие к «Братьям-мусульманам», включая вооружённые отряды, действовавшие в провинциях Идлиб и Хама. Эмираты, заняв выжидательную позицию, сосредоточились на взаимодействии с локальными советами и гражданской администрацией в южных районах Сирии, продвигая концепцию секулярного переустройства [\[24, с. 121\]](#).

Конкуренция шла не только за военных союзников, но и за политические платформы. Саудовская Аравия инициировала формирование Временного Верховного комитета переговоров в Эр-Рияде в 2015 г., стремясь монополизировать процесс легитимного представительства оппозиции на международных площадках. Катар продвигал альтернативные структуры, включая сирийскую Национальную коалицию, поддерживаемую через платформу в Стамбуле и каналы финансирования через благотворительные фонды. Соперничество между Эр-Риядом и Дохой усугубилось после кризиса в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива в 2017 г. На сирийском направлении это выразилось в прекращении координации между их подопечными структурами и взаимных обвинений в дестабилизации переговорного процесса. Саудовцы настаивали на отстранении всех элементов, связанных с исламистскими партиями, в то время как катарская сторона считала их частью национального сопротивления [\[25, с. 78\]](#).

К 2020 г. активность Эмиратов усилилась. Абу-Даби начал прямые контакты с местными лидерами на юге Сирии и предпринимал попытки наладить каналы взаимодействия с оппозиционной администрацией в Даръа. Использовались экономические инструменты: строительство объектов гражданской инфраструктуры, поставки электроэнергии и поддержки в сфере образования [\[26, с. 18\]](#).

В мае 2023 г. Сирия была официально восстановлена в правах члена Лиги арабских государств после 12-летнего перерыва. Решение было принято на фоне изменения региональной обстановки, усиления угрозы со стороны транснациональных группировок и роста влияния внешних сил, прежде всего Ирана и Турции. Саудовская Аравия выступила главным инициатором возврата Дамаска в арабское дипломатическое поле. ОАЭ и Иордания поддержали эту линию, подчеркивая необходимость координации усилий в сфере безопасности и противодействия наркотрафику, идущему через южные границы Сирии [\[27\]](#).

Возврат Сирии в ЛАГ сопровождался заявлением о сохранении суверенитета и территориальной целостности, что было воспринято как косвенная критика присутствия иностранных сил без согласия официальных властей. Сирийская сторона использовала формат ЛАГ для проведения двусторонних встреч с представителями Алжира, Египта и Омана по вопросам экономического восстановления и гуманитарного взаимодействия [\[28, с. 240\]](#).

После формирования нового де-факто правительства в Дамаске в декабре 2024 г. страны Персидского залива начали реализацию стратегии экономического и политического проникновения на сирийскую территорию. Саудовская Аравия направила делегацию Министерства энергетики для обсуждения восстановления электроэнергетической инфраструктуры в Хомсе и Хаме [\[29\]](#). Одновременно саудовский фонд публичных инвестиций начал переговоры о концессионном управлении портом в Тартусе, ранее использовавшимся как логистическая база [\[30\]](#).

Катар предложил кредитную линию для финансирования реконструкции водопроводных систем в районе Ракки и пригородов Хасаки [\[31\]](#). Доха также инициировала переговоры о запуске логистического маршрута через Иорданию с использованием катарского флота для транспортировки оборудования и продовольствия [\[32\]](#). Катарский Красный Полумесяц развернул миссию в Дейр-эз-Зоре, предоставляя медикаменты и полевые госпитали, сопровождая действия заявлением о гуманитарной нейтральности [\[33\]](#).

Политическая составляющая проецировалась через визиты официальных делегаций, а также поддержку в формировании дипломатических каналов нового сирийского руководства. Саудовская Аравия выступила посредником в переговорах Дамаска с Иорданией и Египтом, предложив свои платформы для консультаций по вопросам миграции и контроля границ.

Израиль и проблема безопасности на северном фронте

Израильская стратегия в Сирии с начала конфликта была сосредоточена на недопущении укрепления иранского военного присутствия и создании инфраструктуры, способной угрожать северным районам страны. Главной целью израильских вооружённых сил стало разрушение логистических цепочек, обеспечивающих переброску вооружений и техники из Ирана в Ливан через сирийскую территорию. Удары наносились по складам, командным пунктам и автоколоннам, связанным с Корпусом стражей исламской революции и ливанской «Хезболлой» [\[34, с. 90\]](#).

Израиль применял тактику анонимных ударов с воздуха, не признавая формально свою ответственность, но обеспечивая регулярность операций и информационное сопровождение через контролируемые медиа. За период с 2017 по 2023 гг. по данным открытых источников было зафиксировано более 400 эпизодов боевого применения, направленных на нейтрализацию складов, конвоев и инфраструктурных объектов, связанных с иранскими подразделениями. При этом удары согласовывались с российской стороной по линии предотвращения инцидентов, что позволяло избежать прямого столкновения с ПВО союзников Сирии [\[35, с. 12\]](#). Главной мишенью израильских ударов стали иранские технические базы, пункты развертывания дронов, системы радиолокационного контроля, а также центры подготовки, используемые для тренировки лояльных боевиков. Отдельное внимание уделялось маршрутам поставок высокоточного ракетного вооружения, которое направлялось в распоряжение «Хезболлы». Перехват таких поставок рассматривался Тель-Авивом как приоритет тактического уровня.

Военное сдерживание Ирана стало ключевым элементом израильской стратегии на сирийском направлении. Регулярные авиаудары, координация с внешними партнёрами и создание зоны контроля вблизи Голанских высот позволили Тель-Авиву ограничить свободу действий КСИР и заблокировать планы по созданию постоянной проиранской инфраструктуры на юге Сирии. С 2013 г. Израиль начал систематическое нанесение авиаударов по объектам на территории Сирии, связанным с иранским военным присутствием. Основными районами нанесения ударов стали южные и западные пригороды Дамаска, территория международного аэропорта, зоны вблизи Хомса и Хамы, а также трассы снабжения в районе Дейр-эз-Зора и Абу-Кемал. Авиаудары осуществлялись преимущественно с воздушного пространства над Ливаном, Голанскими высотами и центральной частью Средиземного моря [\[36, с. 40\]](#).

Израильская сторона обеспечивала сохранение канала деэскалации с российским

военным командованием в Сирии. Координация действий осуществлялась через прямую линию между штабами, что позволяло избегать пересечений с зонами ответственности российской авиагруппы и средствами ПВО. При проведении операций израильская сторона информировала российские структуры за считанные минуты до удара, что обеспечивало разъединение маршрутов и предотвращение конфликтов.

В декабре 2024 г. израильское руководство не сделало официальных заявлений о признании или непризнании новых властей, ограничившись нейтральными формулировками в комментариях МИД и оборонного ведомства. Позиция определялась прагматическим интересом к сокращению иранского влияния, которого Израиль добивался с начала конфликта. Уход Башара Асада и вытеснение проиранских сил с территории южной и центральной Сирии были восприняты в Тель-Авиве как стратегический успех [\[37\]](#).

В закрытых брифингах представители оборонного ведомства Израиля подчёркивали, что смена власти в Дамаске не сопровождается усилением угроз для Израиля на северном направлении. Активность «Хезболлы» на сирийской территории сократилась, а основные каналы поставок вооружений были временно дезорганизованы [\[38\]](#). Несмотря на публичные заявления о невмешательстве, сразу после смены режима Израиль развернул масштабную военную операцию, нанеся свыше 480 авиаударов по стратегическим военным объектам Сирии, включая склады вооружений, авиационные базы и системы противовоздушной обороны [\[39\]](#). В результате этих ударов произошло критическое ослабление сирийского военного потенциала — уничтожено до 80% стратегических военных мощностей, включая значительную часть военно-воздушных и военно-морских сил. Параллельно с воздушной кампанией израильские сухопутные войска заняли ключевые районы на юге Сирии, включая населённые пункты Аль-Баас, Хан Арнаба, Кунейтра и стратегически важные участки сирийской части горы Хермон. Тель-Авив объявил о намерении сохранить военное присутствие в этих районах на неопределённый срок для обеспечения национальной безопасности. На занятых территориях была создана буферная зона протяжённостью около 25 километров, оснащённая контрольно-пропускными пунктами, пограничными заграждениями и современными системами наблюдения с целью предотвращения проникновения вооружённых группировок к израильским границам [\[40\]](#).

Министерство иностранных дел Израиля инициировало консультации с рядом стран — включая США, Египет и ОАЭ — о возможности осторожного взаимодействия с новыми властями Сирии на техническом и гуманитарном уровне [\[41\]](#). Поддержка со стороны Катара и Турции, вовлечённых в процесс смены власти, вызвала в Тель-Авиве обеспокоенность в части возможного укрепления исламистских структур в правительстве. Однако, по оперативным данным, новые органы управления не предпринимали враждебных действий и не выходили с заявлениями, угрожающими безопасности Израиля.

Возможность оперативного вмешательства с сохранением свободы авиаударов осталась в числе приоритетов оборонного планирования. Позиция Израиля сводилась к формуле «невмешательства при отсутствии угроз» с правом на односторонние действия при любом проявлении активности, связанной с Ираном или его союзниками.

Глобальные державы в новой сирийской реальности: адаптация США и России

Смена власти в Сирии в декабре 2024 г. кардинально изменила позиции глобальных

держав, вынудив их адаптироваться к новым реалиям. Москва и Вашингтон, долгое время конкурировавшие за влияние в сирийском конфликте, оказались в диаметрально противоположном положении после падения режима Башара Асада. Россия, на протяжении десятилетия выступавшая главным внешним гарантом сирийского правительства, столкнулась с необходимостью переосмысления своей ближневосточной стратегии. В январе 2025 г. российская межведомственная делегация во главе с замглавы МИД Михаилом Богдановым и спецпредставителем президента по Сирии Александром Лаврентьевым посетила Дамаск для установления контактов с новой администрацией. Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков назвал эти контакты «важными», подчеркнув необходимость «выстраивать и поддерживать постоянный диалог с сирийскими властями» [\[42\]](#). Однако новое правительство Сирии проявило сдержанность: по неподтвержденным данным, сирийская сторона выдвинула условия восстановления доверия, включая компенсации и отказ от поддержки бывшего режима [\[43\]](#).

Москва сохраняет военное присутствие на базах в Хмеймиме и Тартусе, однако влияние России на сирийскую политику существенно снизилось. Российские представители продолжают работу в Центре по примирению враждующих сторон и координируют доставку гуманитарной помощи, но попытки установить полноценный политический диалог с новой администрацией пока не дали результатов [\[44\]](#). Российские СМИ делают акцент на «деструктивной роли внешнего вмешательства», особенно со стороны Турции и Катара [\[45\]](#), однако очевидно, что Москве приходится адаптироваться к потере стратегического союзника на Ближнем Востоке.

США, напротив, демонстрируют резкий разворот в сирийской политике. В мае 2025 года произошло беспрецедентное событие: президент Дональд Трамп лично встретился с новым сирийским де-факто лидером Ахмедом аль-Шараа в Эр-Рияде. Данная встреча стала первыми американо-сирийскими переговорами на высшем уровне за 25 лет [\[46\]](#). Днем ранее Трамп объявил о решении снять все санкции с Сирии — радикальный шаг, который, по его словам, направлен на «поощрение нормализации отношений с Израилем» и борьбу с ИГИЛ [\[47\]](#).

Ключевую роль в организации этой встречи сыграла Саудовская Аравия, стремящаяся переформатировать региональный баланс сил. Снятие санкций открывает дорогу к восстановлению сирийской экономики и возвращению страны в международное сообщество. Однако реализация этих планов сталкивается со значительными юридическими препятствиями: президент может отменить лишь санкции, введенные исполнительными указами, тогда как отмена санкций по «Закону Цезаря» [\[48\]](#) требует одобрения Конгресса.

Таким образом, в сирийском кризисе наблюдается кардинальное изменение расстановки внешних сил. США, долгое время выступавшие за изоляцию Дамаска, теперь демонстрируют готовность к сотрудничеству с новым правительством и поддержке его восстановления. Россия же, потеряв основного союзника, пытается сохранить хотя бы минимальное влияние в стране, где в течение десятилетия была доминирующей внешней силой.

Заключение

Сирийский конфликт, продлившийся более десятилетия, привел к переформатированию региональной архитектуры безопасности и системы международных отношений на

Ближнем Востоке. События декабря 2024 г., ознаменовавшие сменой власти в Дамаске, стали кульминацией длительных геополитических процессов, в которых переплелись интересы как региональных, так и глобальных акторов.

Взаимодействие внешних сил не сводилось к простому противостоянию блоков или коалиций. Напротив, формировалась многоуровневая система взаимоотношений, где тактические союзы и временные альянсы зачастую превалировали над стратегическими партнерствами. Иран и Россия, длительное время выступавшие гарантами сирийской государственности, столкнулись с вызовом адаптации к новым реалиям. Турция, изначально занявшая антиправительственную позицию, сумела конвертировать свое влияние на оппозиционные группы в серьезные политические дивиденды. Монархии Залива продемонстрировали прагматичный подход, быстро переориентировавшись на работу с новым руководством Сирии.

Несмотря на значительные военно-политические инвестиции, их способность определять будущее региона оказалась ограниченной. Россия, чей вклад в сохранение сирийской государственности в 2015–2023 гг. был решающим, сегодня сталкивается с необходимостью выстраивания новой модели взаимодействия с Дамаском. Соединенные Штаты, долгое время придерживавшиеся политики изоляции Сирии, продемонстрировали редкую для Вашингтона гибкость, инициировав диалог с правительством, которое еще недавно считалось неприемлемым партнером.

Сирийский кризис выявил тенденцию к регионализации международных отношений на Ближнем Востоке. Местные игроки все меньше полагаются на глобальных патронов и все чаще демонстрируют самостоятельность в принятии стратегических решений. Данный процесс сопровождается попытками формирования новых региональных балансов, где взаимное сдерживание и прагматичное сотрудничество сосуществуют с историческими противоречиями и соперничеством.

Для будущего Сирии и всего региона принципиальное значение имеет то, насколько устойчивыми окажутся новые конфигурации влияния. Сможет ли сирийское государство сохранить суверенитет в условиях множественных внешних интересов? Удастся ли региональным акторам перейти от конкуренции к координации усилий по восстановлению страны? Вопросы остаются открытыми, однако очевидно, что опыт сирийского конфликта будет определять подходы к региональным кризисам на десятилетия вперед.

Сирийский кризис продемонстрировал, что в современном многополярном мире эффективная внешняя политика требует не только военной мощи, но и способности к дипломатическому маневрированию, выстраиванию коалиций и адаптации к меняющимся обстоятельствам. Государства, сумевшие проявить стратегическую гибкость и прагматизм, получили преимущества в новой региональной конфигурации. Урок сирийского противостояния заключается в том, что в эпоху нестабильности и турбулентности долгосрочное влияние обеспечивается не только силой оружия, но и способностью выстраивать устойчивые союзы, основанные на общности интересов и взаимном уважении.

Библиография

1. Кириченко В. П. Иран и Сирия: факторы сближения и сотрудничества // Россия и мусульманский мир. 2020. № 4 (318). С. 75-85. DOI: 10.31249/rimm/2020.04.05 EDN: AETCPF.
2. Keynoush B. Saudi Arabia, Iran, and Levant Geopolitics: The Cases of Lebanon, Syria // Saudi Arabia and Iran: Friends or Foes?. New York : Palgrave Macmillan US, 2016. С. 203-

225. https://doi.org/10.1007/978-1-137-58939-2_12.
3. Aita S. Trade without Religion between Turkey and Syria // *Éditoriaux de l'Ifri, Ifri*. 2017. С. 1-10.
4. Савичева Е. М., Израилов А. Х., Кембель О. В. Расстановки и баланс сил на Ближнем и Среднем Востоке // Авторский коллектив. 2021. С. 222-237.
5. Risseuw R. The Syrian-Iranian Nexus: a historical overview of strategic cooperation // Brussels International Center. 2018. С. 1-16.
6. Sharif S. Predicting the end of the Syrian conflict: From theory to the reality of a civil war // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2021. Т. 44. № 4. С. 326-345. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1538153>.
7. Gani J. K., Hinnebusch R. Actors and Dynamics in the Syrian Conflict's Middle Phase. Routledge, 2022. DOI: 10.4324/9781003254904.
8. Akbarzadeh S., Gourlay W., Ehteshami A. Iranian proxies in the Syrian conflict: Tehran's 'forward-defence' in action // *Journal of Strategic Studies*. 2023. Т. 46. № 3. С. 683-706. <https://doi.org/10.1080/01402390.2021.2023014> EDN: ECKRWJ.
9. Yossef A. Military doctrines in Israel and Iran: A doctrinal hybridity // *The Middle East Journal*. 2021. Т. 75. № 2. С. 243-263. <https://doi.org/10.3751/75.2.13> EDN: SBSOME.
10. Кашенина Г. В., Харламов А. А. Военно-техническая помощь Ирана Сирии в 2011-2023 годах: базовые элементы и особенности // *Наука. Общество. Оборона*. 2024. Т. 12. № 3 (40). С. 23-23. DOI: 10.24412/2311-1763-2024-3-23-23 EDN: DPTAZT.
11. Ахмедов В. М. Иран и кризис в Сирии // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 5. С. 120-124. EDN: YUWKMH.
12. Ashraf N. Syria as a shatter belt and the great power competition // *Margalla Papers*. 2022. Т. 26. № 2. С. 28-38. <https://doi.org/10.54690/margallapapers.26.2.111> EDN: TEPDIL.
13. Iran News: Syria Denies Diplomatic Talks with Tehran, Prepares \$300 Billion Lawsuit // National Council of Resistance of Iran. URL: <https://www.ncr-iran.org/en/news/terrorism-a-fundamentalism/iran-news-syria-denies-diplomatic-talks-with-tehran-prepares-300-billion-lawsuit/> (дата обращения: 01.01.2025).
14. Mansour R., Al-Shakeri H., Haid H. The shape-shifting 'axis of resistance': How Iran and its networks adapt to external pressures, 2025 // Chatam House. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2025-03/2025-03-06-shape-shifting-axis-resistance-mansour-shakeri-haid.pdf> (дата обращения: 01.01.2025).
15. Kardas S., Sinkaya B. Evolution of Türkiye's Engagement in the Middle Eastern Regional Order: the Normalization Agenda and Beyond // *Journal of World Sociopolitical Studies*. 2024. Т. 8. № 3. С. 493-527. <https://doi.org/10.22059/wsps.2024.373676.1422>.
16. Kardaş Ş. Turkey's Long Game in Syria: Moving beyond Ascendance // *Middle East Policy*. 2025. Т. 32. № 1. С. 22-37. <https://doi.org/10.1111/mepo.12807> EDN: WMZTQR.
17. Gadelmola M. S. Determinants and dimensions of the shift in Turkish behavior towards northern Syria since 2016 // *Review of Economics and Political Science*. 2024. Т. 9. № 6. С. 536-553. <https://doi.org/10.1108/REPS-07-2019-0096> EDN: HFTVJF.
18. Аватков В. А., Гузаеров Р. И. Сирийский кризис во внешней политике Турции // *Пути к миру и безопасности*. 2023. № 1. С. 64-81. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-111-125 EDN: HQNIFH.
19. S/2018/852 Security Council // United Nations Digital Library System. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1642554/files/S_2018_852-EN.pdf (дата обращения: 01.01.2025).
20. Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой 22 октября 2019 года // Официальный портал Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения: 01.01.2025).

21. Adar S. et al. The political transition in Syria: Regional and international interests. SWP Comment, 2025. № 11/2025. 9 p. DOI: 10.18449/2025C11.
22. Kadkoy O. "Go and see" to return: Turkish policy and Syrian reality, 2025 // Heinrich-Böll-Stiftung. URL: <https://tr.boell.org/en/2025/04/15/go-and-see-to-return-turkish-policy-and-syrian-reality> (дата обращения: 01.01.2025).
23. Interview of H.E. Hakan Fidan, Minister of Foreign Affairs, Al-Jazeera English, 18 December 2024 // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/interview-of-he-hakan-fidan--minister-of-foreign-affairs--al-jazeera-english--18-december-2024.en.mfa> (дата обращения: 01.01.2025).
24. Coates Ulrichsen K. The Gulf and its foreign policies // Journal of Gulf Studies. 2024. Т. 1. № 1. С. 5-19. https://doi.org/10.1386/jgs_00001_1 EDN: JHMLNP.
25. Nwokoye A. N. The military and diplomatic intervention of regional and global powers in the Syrian war and the failure to restore peace and security in the Middle East // NG Journal of Social Development. 2023. Т. 11. № 1. С. 71-83.
26. Al Shaikh A. B. A. Securitization Theory in the UAE: Regional Instability and Shifting Security Dynamics. Emirates Center for Strategic Studies and Research, 2022. 42 p. // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. URL: <https://www.clingendael.org/sites/default/files/2022-01/the-saudi-emirati-axis-and-regional-order.pdf> (дата обращения: 01.01.2025).
27. Azizi H. How Does Iran View Syria's Return to the Arab League? 2023 // MECGA. URL: https://mecouncil.org/blog_posts/how-does-iran-view-syrias-return-to-the-arab-league/ (дата обращения: 01.01.2025).
28. Selim G. M. The Arab League and the crisis of Westphalian sovereignty in the Arab world after 2011 // Journal of Contemporary Iraq & the Arab World. 2023. Т. 17. № 3. С. 231-250. https://doi.org/10.1386/jciaw_00107_1 EDN: ISFJAA.
29. Syria, Saudi Arabia discuss joint cooperation in fields of energy and electricity, 2025 // Sana. URL: <https://www.sana.sy/en/?p=353814> (дата обращения: 01.01.2025).
30. How PIF is shaping the future of Saudi Arabia's mining industry, 2025 // Public Investment Fund. URL: <https://www.pif.gov.sa/en/news-and-insights/news-network/2025/how-pif-is-ensuring-a-resilient-supply-of-saudi-arabia/> (дата обращения: 01.01.2025).
31. Qatar to join Saudi Arabia in paying off Syria's World Bank debt, 2025 // The New Arab. URL: <https://www.newarab.com/news/qatar-join-saudi-arabia-paying-syrias-world-bank-debt> (дата обращения: 01.01.2025).
32. Syrian FM visits Qatar as new authorities seek regional and global diplomatic ties, 2025 // Arab News. URL: <https://www.arabnews.com/node/2601162/middle-east> (дата обращения: 01.01.2025).
33. Al-Emadi: QRCS to launch QR 30M projects in 9 countries // ReliefWeb. URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/al-emadi-qrcs-launch-qr-30m-projects-9-countries-enar> (дата обращения: 01.01.2025).
34. Hazran Y. Israel and the Syrian Crisis // Insight Turkey. 2022. Т. 24. № 4. С. 83-104. DOI: 10.25253/99.2022244.6 EDN: KFBNRB.
35. Verdeja E. The Gaza Genocide in Five Crises // Journal of Genocide Research. 2025. С. 1-23. <https://doi.org/10.1080/14623528.2025.2452707>.
36. Boms N., Cohen S. Israel and Syria: A Decade of War, 2011-2021 // Israel Journal of Foreign Affairs. 2022. Т. 16. № 1. С. 31-51. <https://doi.org/10.1080/23739770.2022.2078067> EDN: WMCZCC.
37. Listratov S. Netanyahu Calls for Demilitarization of Southern Syria, Protection for Druze, 2025 // TPS. URL: <https://tps.co.il/articles/netanyahu-calls-for-full-demilitarization-of-southern-syria-reaffirms-stance-on-iran/> (дата обращения: 01.01.2025).

38. Israeli FM Sa'ar denies Syrian government's legitimacy, calls regime 'a gang - not a government', 2024 // All Israel News. URL: <https://allisrael.com/israeli-fm-sa-ar-denies-syrian-government-s-legitimacy-calls-regime-a-gang-not-a-government> (дата обращения: 01.01.2025).
39. Masarwa L., Akkad D. Hundreds of strikes, warships sunk, tanks on Syrian soil: How Israel reacted to Assad's fall // Middle East Eye, 2024. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/israel-has-struck-over-300-syrian-sites-assad-fell-why-1> (дата обращения: 01.01.2025).
40. Israel 'building military bases' in occupied southern Syria // The New Arab, 2025. URL: <https://www.newarab.com/news/israel-building-military-bases-occupied-southern-syria> (дата обращения: 01.01.2025).
41. Yohanan N. Syria confirms backchannel dialogue with Israel on security matters, 2025 // The Times of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/uae-said-to-set-up-backchannel-talks-between-israel-and-syrias-new-regime/> (дата обращения: 01.01.2025).
42. О визите официальной российской межведомственной делегации в Дамаск, 29.01.2025 // МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1993528/ (дата обращения: 01.01.2025).
43. Russia, seeking to keep bases in Syria, says it held 'frank' talks with new leader, 2025 // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/russia-syria-hold-further-talks-russian-military-bases-syria-tass-reports-2025-01-29/> (дата обращения: 01.01.2025).
44. Центр по примирению в Сирии провел гуманитарную акцию в провинции Дераа, 2025 // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5987404/amp> (дата обращения: 01.01.2025).
45. США и Саудовская Аравия берут под контроль Сирию, 2025 // Sputnik News. URL: <https://ru.sputnik.kg/20250516/usa-saudovskaya-araviya-kontrol-siriya-1094010296.html> (дата обращения: 01.01.2025).
46. Quilliam N. The meeting of al-Sharaa and Trump has shifted the balance of power in the Middle East, 2025 // Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/2025/05/meeting-al-sharaa-and-trump-has-shifted-balance-power-middle-east> (дата обращения: 01.01.2025).
47. Trump to remove US sanctions on Syria in major policy shift, 2025 // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/trump-says-will-remove-us-sanctions-syria-2025-05-13/> (дата обращения: 01.01.2025).
48. Caesar Syria Civilian Protection Act of 2019 // U.S. Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/31> (дата обращения: 01.01.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает региональная конкуренция, рассматриваемая на примере Сирии, которая превратилась в арену конкуренции многих государств.

Методология исследования базируется на обобщении сведений из научных статей и интернет-источников, их анализе и авторским синтезе результатов исследования.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что сирийский конфликт стал одной из самых продолжительных и кровопролитных войн XXI в., превратив территорию страны в точку пересечения интересов сразу нескольких региональных и внешних акторов, а ключевыми участниками этого конфликта стали государства, конкурирующие за политическое, военное и экономическое присутствие на Ближнем Востоке. Вопрос о том,

какая из держав закрепится в послевоенном порядке и сможет контролировать политическое и экономическое развитие Сирии, приобрёл в настоящее время новую остроту.

Научная новизна исследования заключается в выявлении логики и динамики соперничества между региональными и внешними акторами за контроль над сирийским направлением, определен характер их интересов и тактика воздействия.

Структурно в работе выделены следующие разделы: Введение, Историческая канва сирийского кризиса, Иранский вектор и стратегия "передовой обороны", Турецкие амбиции в сирийском направлении, Монархии Залива в борьбе за сирийское влияние, Израиль и проблема безопасности на северном фронте, Глобальные державы в новой сирийской реальности: адаптация США и России, Заключение и Библиография.

В статье сказано, что региональные игроки – в первую очередь Иран и Турция – превратили борьбу за контроль над сирийским пространством в постоянную линию соперничества, где дипломатические альянсы и тактические союзы менялись в зависимости от соотношения сил. Авторами проведено сравнение моделей присутствия Ирана, Турции, арабских монархий и Израиля, дана оценка влияния США и России на баланс сил, рассмотрены новые конфигурации региональной конкуренции после смены власти в Дамаске.

Авторы приходят к выводам, что для будущего Сирии и всего региона принципиальное значение имеет то, насколько устойчивыми окажутся новые конфигурации влияния, что что в эпоху нестабильности и турбулентности долгосрочное влияние обеспечивается не только силой оружия, но и способностью выстраивать устойчивые союзы, основанные на общности интересов и взаимном уважении.

Библиографический список включает 48 источников: публикации зарубежных и российских авторов по рассматриваемой тематике на иностранных и русском языках, а также интернет-ресурсы. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

В качестве замечания необходимо отметить, что авторами не соблюдены принятые редакцией Правила оформления списка литературы: «В списке литературы не указываются: ... Интернет-источники, включая информацию с сайтов, а также статьи на сайтах и в блогах ..., публикации ненаучного характера (газетные статьи, статьи общественно-политических журналов и т.д.). Все вышеперечисленные источники упоминаются в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов».

Тема актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержание статьи соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene», материал рекомендуется к опубликованию.